

КОГНИТИВНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНЫ МИРА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Работа представлена кафедрой лингвистики и межъязыковой коммуникации Самарского государственного архитектурно-строительного университета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Г. Вышкин

Статья посвящена важной и актуальной теме, связанной с сопоставлением когнитивной и языковой картин мира в семантике естественного языка (в глобальном масштабе) и английского языка (в локальном масштабе). В статье анализируется такая методологическая категория, как когнитивный мир субъекта, которая способствует объединению лингвокультурологической, психологической и собственно лингвистической понятийно-терминологической парадигм в единое целое, что должно привести к результатам, недостижимым при одностороннем подходе. В данной области до сих пор не наблюдается единства мнений по поводу характера соотношения когнитивной и языковой картин мира, а следовательно, этнокультурной специфики значений языковых единиц; между тем ввиду необходимости углубления кросс-культурного взаимопонимания выяснение этого вопроса представляется важным в лингвокультурном и собственно лингвистическом плане.

Ключевые слова: когнитивный, языковой, картина мира, лингвокультурология, когнитивистика.

The article deals with an important and topical issue – a comparison of the cognitive and language images of the world in natural language semantics (on a global scale) and in the English language (on a local scale). It analyses the methodological category of an individual's cognitive world which makes it possible to combine the cultural linguistics, psychology and linguistics' terminological and conceptual paradigms into an integrated whole, thus providing an opportunity to gain such results that cannot be achieved when these approaches are applied separately. No common view has been developed yet with regard to how the cognitive and language world views correlate with each other, and, therefore, there are still many questions to solve on the ethnocultural properties of linguistic units' semantics. In the context of cross-cultural understanding, this issue becomes very important in terms of cultural linguistics and linguistics-as-such.

Key words: cognitive, linguistic, world view/image, linguistic theory of culture, cognitive science.

Рубеж XX–XXI столетий ознаменовался в лингвистической науке развитием лингвокогнитивной и лингвокультурологической направленностей, характеризующихся общностью некоторых граней объекта исследования и тесной взаимосвязью в области методологического и категориально-терминологического аппарата. В рамках этого комплексного научного направления и проводится всестороннее описание концептосферы, составляющей основу когнитивной картины мира, в ее связи с языковой картиной мира. Большая заслуга в указанной области исследований принадлежит таким крупным оте-

чественным и зарубежным ученым, как Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, В. В. Петров и В. Н. Переверзев, Д. С. Лихачев, З. Д. Попова и И. А. Стернин, Ч. Филлмор, Р. Шенк, Дж. Серль, Дж. Барвайс, Дж. Пери и др. Лингвистические изыскания в этой сфере ведутся в тесной связи с изысканиями в области когнитивной психологии (Величковский [1982], Neisser [1976] и др.), когнитологии, так называемой психологии, логики практических умозаключений и ряда других научных дисциплин.

В упомянутом контексте большое значение приобрела такая методологическая

категория, как когнитивный мир субъекта. Как известно, реальность подразделяется на объективную и субъективную; вторая является отражением первой в голове человека. Соответственно различают онтологический (бытийный) и эпистемологический (гносеологический) уровни реальности. Представления о бытии суть не его «фотографическая» копия, а картина (модель) мира, которая является результатом рационального осмысления и эмоциональной оценки; особенности этой модели обусловлены спецификой человеческих органов чувств и характером человеческого мышления.

Картина мира, сложившаяся в психике людей в фило- и онтогенезе ее развития, имеет коллективный и индивидуальный аспекты. Все, что связано с отражением действительности в психике человека, называется когнитивным миром (или, по А. Т. Ишмуратову¹, когнитивным пространством). Существует когнитивный мир культуры и когнитивный мир индивида. Содержанием этого мира является, соответственно, коллективная и индивидуальная картина мира, которая делится на концептуальную и понятийную. Первая характерна для обыденного, идеологического, религиозно-мифологического, художественного и т. п., а вторая – для научно-технического и вообще профессионального отражения действительности. Первая характеризуется эмоционально-образным, субъективным и пристрастным, а вторая – рационалистически строгим, объективным, безэмоциональным и беспристрастным видением мира. В сознании современного взрослого, образованного человека эти две картины тесно переплетены и существуют во взаимодействии и взаимовлиянии.

Современный человек воспринимает мир сквозь двойную призму концептуальной и понятийной сфер. Так, например, слово *water* толкуется в словарях двояко:

1) *colourless transparent tasteless scentless liquid seen in the sea, lake, stream, rain, tears, etc.;*

2) *chemical compound of one part of oxygen and two parts of hydrogen in liquid, gaseous or solid state (H₂O).*

Первая дефиниция соответствует бытовому, наглядно-чувственному представлению о воде, которое при добавлении к нему аксиологического и эмотивного компонентов становится культурным концептом. Вторая дефиниция определяет химическое понятие «вода». При этом упомянутые когнитивные единицы не мешают друг другу, а гармонично уживаются в когнитивном мире субъекта.

Модели фрагментов действительности, созданные коллективными усилиями в ходе социокультурного развития этноса, фиксируются в коллективном сознании, становятся общим достоянием, клишируются и в результате обретают семиотическое (в первую очередь вербальное) выражение, закрепляясь и транслируясь в словесной форме через многие поколения, они в своей совокупности формируют *языковую картину мира*. Языковая картина мира, зафиксированная во внутренней форме лингвистических знаков, более консервативна, чем когнитивная. Она в определенной мере независима от когнитивной и сохраняет в себе черты прежних эпох познания и осмысления действительности. В языковой картине мира сохраняется ряд реликтовых фрагментов объективной реальности, отличающихся от более поздних, возникших в последующие периоды культурно-исторического развития. На исходное значение языковой единицы наращивается следующее, затем третье, четвертое и т. д.; в результате возникает многослойный «семантический пирог» – исторически обусловленная знаковая структура языковой единицы. Ср.: *infernal* – 1) «нижележащий» (*lat. infernus*) → 2) «находящийся в преисподней» → 3) «дьявольский» → 4) «чудовищный» → 5) «одиозный»; *to solve* – 1) «развязать, ослабить» (*lat. solvere*) → 2) «растворить» → 3) «решить, разгадать» (задачу, загадку и т. п.); *translation* – 1) «придание иной формы» →

2) «превращение» → 3) «интерпретация» (смысла) → 4) «перевод» (на другой язык).

Соотношение между планом содержания и планом выражения языковой единицы нередко бывает более сложным, нежели простое соотношение между собственно значением и его материальным воплощением. Более сложное соотношение планов проистекает из такого феномена, как коннотация, в том смысле, какой придавал этому термину Л. Ельмслев². Согласно этому автору, система языка обладает несколькими подсистемами (диалектами, социолектами, жаргонами, функциональными стилями и др.); иными словами, план выражения языка неоднороден. Одно и то же содержание может иметь ряд альтернативных способов языкового выражения. Выбор того или иного способа выражения является значимым; он обретает смысл, но смысл более высокого уровня³.

В большинстве лингвистических трудов коннотативное содержание языковой единицы трактуется как ее экспрессивное, эмоционально-оценочное, нормативно- и функционально-стилистическое значение. Но, по мнению К. А. Долинина, «в общесемиотическом плане возникновение стилистического значения есть лишь *частный случай* явления коннотации»⁴. Говоря в целом, можно отметить, что в качестве сознания (т. е. значения более высокого уровня семиозиса) может служить не только экспрессивный эмоционально-оценочный, но и денотативно-сигнификативный компонент значения языкового знака. При такой трактовке *созначение* языкового знака – это любое «коннотативное означаемое, чьим означаемым выступает данный знак как единство денотативного означаемого и денотативного означаемого»⁵.

Сказанное выше можно обозначить схематически (рис. 1).

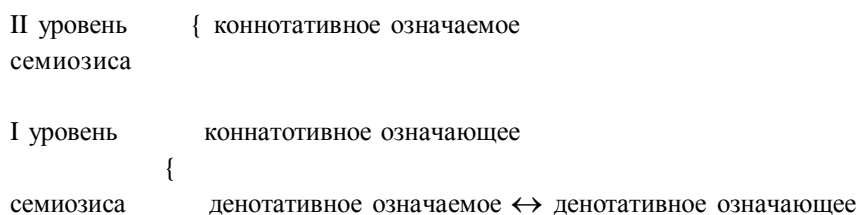

Рис. 1. Двухуровневая структура языкового знака

При этом в процессе исторического развития семантики языкового знака, количество уровней плана выражения может возрастать (рис. 2).

Как видим, план выражения языковой единицы может иметь многоуровневое строение. Такого же мнения придерживается А. И. Новиков⁷. Значение языковой единицы (в единстве его денотативно-сигнификативной, экспрессивной, эмоциональной и стилистической граней) есть его коннотативное означаемое (план содержания), а языковая единица (в единстве ее физического субстрата и всех предшествующих се-

мантических и структурных уровней) есть его коннотативное означаемое (план выражения). В структуре языкового знака мы видим историческое развитие познания и осмысления фрагментов действительности, складывающихся в единую «мозаику», которая и образует языковую картину мира.

Так в истории языка отражается и воплощается история культуры.

Современная когнитивная картина мира, соответствующая нынешнему этапу культурно-исторического развития народа, отражена в плане содержания языка, а предшествующие стадии ее формирования,

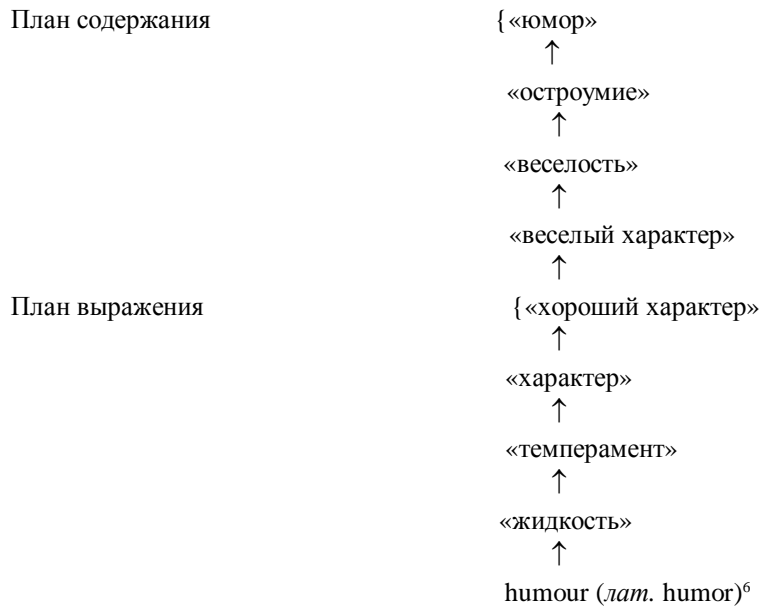

Рис. 2. Многоуровневая структура языкового знака

обнаруживаемые на различных синхронных срезах истории языка, представляют собой языковые картины мира, существовавшие на тех или иных этапах истории народа. Так, например, в древние времена считалось, что Земля – это плоский круг, и это представление отражено в латинском слове *orbs* (букв. «круг», дальнейшее значение – «весь мир»). Древние люди полагали, что этот круг покоится на спинах трех китов как на фундаменте; отсюда выражение *три кита* (чего-л.) – «фундаментальные основы (чего-л.)». По представлениям древних, над земным кругом нависают семь твердых небес; отсюда *небесная твердь, на седьмом небе*. Центром земного круга считался Вавилон (по другой версии – Иерусалим); отсюда *пуп Земли* (ср. *англ.*: *on the seventh Heaven, the hub of the Universe*). Поскольку плоский круг имеет края, возникло представление о крайней точке земного пространства – *крае Земли* (*англ.* *the Land's End*) и т. д. Такова была космологическая картина мира в те времена, которая ныне составляет часть языковой картины мира на одном из ее синхронных срезов.

Позднее, когда Коперник доказал, что земной шар вращается вокруг Солнца, но-

вая космологическая картина мира отразилась в семантике таких слов, как *орбита* (*англ.* *orbit*), производное от *лат.* *orbs* «круг», *эклиптика* (*англ.* *ecliptic*), от *греч.* *eclipse* «проходящий» и др. В наше время известно, что Земля движется вокруг Солнца не по кругу, а по эллипсу, а *эклиптика* представляет собой не реальную, а иллюзорную траекторию движения Солнца по небу; однако эта ныне устаревшая когнитивная картина продолжает сохраняться во внутренней форме упомянутых наименований. В целом следует отметить, что современные астрономы до сих пор пользуются многими терминами, во внутренней форме которых зафиксированы фрагменты архаичной когнитивной картины мира: *Млечный путь* (*англ.* *Milky Way*); *созвездие* (*англ.* *constellation*)⁷, *лунные моря* (*англ.* *lunar seas*) и многие другие.

Кроме того, часть языковой картины мира образована из мифологических и поэтических образов, которые, разумеется, не отражают реального положения дел, зафиксированного в современной когнитивной картине мира: *the solar wind* (давление солнечного излучения), *a black hole* (космический объект огромной плотности), *the Big*

Bang (начальный момент расширения Вселенной) и др.

Вопреки гипотезе Э. Сепира–Б. Уорфа, реликтовые представления об устройстве универсума не «затмевают» современной когнитивной картины мира в сознании образованных людей. Последние мыслят отнюдь не архаически и тем более не мифологически, хотя и регулярно пользуются языковыми средствами, в которых зафиксированы фрагменты прежних когнитивных картин мира, образующие языковую картину мира. Просто им удобно это делать в практических целях. Кроме того, важную роль здесь играет инерция речевого мышления. Если бы продуценты речи сменяли способы выражения мысли, все время идя в ногу с прогрессом познания, то эти способы были бы непонятны аудитории; частая ломка традиций значительно затруднила бы процесс вербальной коммуникации. Мы до сих пор говорим: «Солнышко взошло», хотя, согласно современной космологической картине мира, следовало бы, вероятно, сказать: «В результате вращения земного шара вокруг своей оси та географическая точка, в которой мы находимся, только что пересекла линию терминатора⁹ и попала в зону электромагнитного излучения Солнца». Общаться подобным способом было бы невозможно. Люди мыслят традиционными представлениями и выражают мысли традиционными категориями языковой семантики, пребывая во власти прежней, а не новейшей картины мира, и делают так во всех случаях, кроме тех, когда потребности научного дискурса побуждают их поступать иначе. Но в том-то и дело, что они МОГУТ мыслить и говорить иначе.

По В. фон Гумбольдту, язык описывает вокруг человека круг, за пределы которого можно вырваться, лишь освоив какой-либо другой язык¹⁰. Однако, на наш взгляд, это «гипнотическое» воздействие языка на сознание несколько преувеличено. Языковая картина мира не так уж «застывает глаза» его носителям. Современный взрослый, образованный человек способен видеть мир по-разному, сквозь призму разных картин мира – обыденной, научной (и вообще профессиональной), художественной, не смущаясь имеющимися между ними противоречиями, понимая их соотношение (это называется суперпозицией, т. е. взаимным наложением моделей объекта) и не обязательно прибегая при этом к освоению другого языка. В пространстве одного этноязыка имеется несколько картин мира (взять хотя бы альтернативные научные теории мироздания и альтернативные религиозно-мифологические представления о мироустройстве), и человек может переходить от одной к другой, если в этом возникает необходимость. При этом он не отказывается от прежних представлений, а тоже учитывает их.

В ряде случаев эти картины смыкаются некоторыми гранями. Так, некоторые места ветхозаветной Священной истории рассматриваются то как легенды (фрагменты мифологической картины мира), то как исторические факты (части когнитивной картины мира). То же можно сказать, например, о древнерусской летописи, в которой описывается, как Рюрик и его братья стали княжить на Руси.

Таково, на наш взгляд, соотношение когнитивной и языковой картин мира в пространстве лингвокультуры и в когнитивном мире субъекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ишмуратов А. Т. Логический анализ практических рассуждений. Киев: Наукова думка, 1987.

² Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Литература на иностранных языках, 1960.

³ Там же. С. 368–373.

⁴ Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л.: ЛГУ, 1978. С. 94.

⁵ Там же.

⁶ Согласно учению Авиценны, темперамент человека определяется преобладанием в организме одной из четырех жидкостей: *chole* «желчь» – холерик, *melanchole* «черная желчь» – меланхолик, *sanguis* «кровь» – сангвиник, *phlegma* «лимфа» – флегматик.

⁷ *Новиков А. И.* Деловое общение и язык // Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ. М.: Наука, 1989. С. 95.

⁸ На самом деле созвездия не являются скоплением звезд, близко расположенных друг от друга, так как они находятся на разных расстояниях от Земли. Они лишь кажутся таковыми при их проекции на земное небо.

⁹ Линия терминатора (*астрон.*) – граница между освещенной и не освещенной Солнцем частями земного шара.

¹⁰ *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.